

УДК 811.16

ЭКСПАНСИЯ ЭКСПРЕССИВНЫХ ДИМИНУТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2016 г.

И.В. Фуфаева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

iriel@inbox.ru

Поступила в редакцию 03.11.2015

Представлены результаты исследования вытеснения в русском языке некоторых существительных диминутивами, напр. *внука* – *внучка*, *зябел* – *зяблик*, происходящего на протяжении длительного времени. Составлен полный список бывших экспрессивных диминутивов, которые в современном русском языке являются нейтральными обозначениями, проанализирована их семантика. Выяснилось, что данная лексика в первую очередь обозначает природные объекты (напр., *бабочка*, *лягушка*), особенно часто – птиц (напр., *ласточка*, *зяблик*, *птица*), что можно объяснить тем, что эта часть живой природы наиболее регулярно вызывала положительные эмоции. Кроме того, бывшие диминутивы обозначают еду, объекты малого размера, родственников; детей и пр. Выявлена тенденция активного использования экспрессивных диминутивов в одних и тех же семантических областях на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: диминутивы, экспрессия, ласкательный, уменьшительный, семантика диминутивов, экспрессивные диминутивы, названия птиц, названия животных.

Введение

Некоторые русские существительные, ныне доминанты синонимических рядов, являются бывшими диминутивами, в разные периоды вытеснившими свои корреляты; напр., современные русские *птица*¹, *ласточка*², *девушка*, ср.: *пта, ластка, дева*. Эта тенденция проявляется с общеславянской стадии, к которой восходит, напр., *сердце*³. Часть вытесненных нейтральных форм⁴ полностью исчезла из языка, см. предыдущее название птицы *зяблик* – *зябел*⁵ или *внука* – *внучка*:

«Наконец вышла старшая внука и извинилась, что к бабушке нельзя...» [1, с. 50].

Диминутивы конкурируют с нейтральными формами и в современном русском языке, ср. *садик*, вытеснившее *детский сад* в разговорной речи.

Вытеснение диминутивами нейтральных форм – это динамический процесс, начинающийся с необычно частого употребления диминутива в отношении того или иного объекта. По мере роста употребления диминутив теряет экспрессию и начинает использоваться как нейтральное обозначение, конкурируя за роль доминанты синонимического ряда (ср. *чиж* и *чижик*).

При этом в конкуренцию с нейтральными формами могут вступать лишь экспрессивные, а не уменьшительные диминутивы. Экспрессивные диминутивы, напр., *солнышко*, *водица*, *трамвайчик* (о настоящем трамвае, ласк.), *певичка* и пр. обозначают в речи те же самые объекты, что и нейтральные *солнце*, *вода*,

трамвай, *певичка*, вследствие чего у говорящих есть выбор обозначения: *«Вон наши трамвайчик идет»* – *«Вон наши трамвай идет»*, что и рождает конкуренцию обозначений. Суффиксы субъективной оценки *-к*, *-ушк*, *-иц*, *-енк* и пр. здесь выражают эмоционально-оценочное отношение к обозначаемым объектам – ласку, пренебрежение, иронию и пр. Диминутивы же чисто уменьшительные, образованные с помощью тех же суффиксов, например, *ложечка* (о ложке чайной, кофейной, кукольной), *ведерко* (об игрушечном ведерке, майонезном и пр.), обозначают другие предметы, чем лексемы *ложка*, *ведро* – меньшего размера, с иной функцией и пр. – и не могут конкурировать с ними.

О разнице между экспрессивными и уменьшительными диминутивами писал еще А.А. Потебня: *«Отличая объективную уменьшительность... от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи...»* [2, т. 3, с. 74]. Термин «экспрессивный диминутив» точнее, чем «ласкательный диминутив», поскольку экспрессия диминутивов, помимо ласкательности, включает заискивание, иронию, жалость, пренебрежение и пр. Как писал В.В. Виноградов, *«При их (уменьшительно-ласкательных суффиксов. – И.Ф.) посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии... пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок»* [3, с. 101].

Несмотря на потерю экспрессии и порой опрощение (ср. *скворец*, *ласточка*), суффиксы бывших диминутивов физически сохраняются, позволяя с помощью этимологических (истори-

ческих) словарей выделить в современном языке все бывшие экспрессивные диминутивы. Этот интересный пласт существительных хранит память об эмоционально-оценочном отношении носителей русского языка разных эпох к различным реалиям окружающего мира, вызывавших повышенно частую потребность в экспрессивно-диминутивных наименованиях.

Таким образом, цель исследования – выявить все бывшие экспрессивные диминутивы в современном русском языке и провести их семантический анализ.

Выявление бывших экспрессивных диминутивов: критерии и механизм

Ряд ныне нейтральных русских слов включает сегмент, соответствующий одному из суффиксов со значениями ласкательности, а также уменьшительности и ласкательности [4, с. 205–215]: -ик, -чик, -ок/ёк, -к, -оч-к/-еч-к, -ец/ц/иц, -еньк/оньк, -ушк/-юшк, -ышк, -ёнк/-онк.), -ишк, -инк (из сочетания суффиксов -ин и -к), -енк. В опростившихся диминутивах эти суффиксы сейчас являются частью корня (*ласточка*) или суффикса (*новичок*). Необходимо определить, является ли то или иное слово с таким сегментом бывшим экспрессивным диминутивом.

Для этого важно, что любой диминутив, будучи регулярным образованием, подобным форме слова, – это компонент пары «нейтральная форма» – диминутив», как *полотенце* – *полотенечко*. Первый компонент пары может быть сейчас уже утрачен, а может сохраняться, что не обязательно зависит от давности начала процесса вытеснения. Так, древнерусский диминутив *лягушка*, согласно «Этимологическому словарю славянских языков, «производное от *legixa, в свою очередь, образованного от *lega «бедро, лягушка», [5] в русском языке до сих пор сосуществует с первым компонентом пары *лягуха*, ныне экспрессивным. Наоборот, слово *новичок*, отсутствующее в «Словаре русского языка XI–XVII веков» [6], где есть только статья *новик*, за два столетия полностью вытеснило коррелят. *Новичок* фиксируется наряду с *новик* впервые в 18 веке [7], а в первой трети 20 века значение *новик* «Человек, недавно принятый на какую-н. должность, начавший заниматься какой-н. новой работой, новичок» приводится в словаре Ушакова как устаревшее [8]. Но всего сто лет назад, во время Первой мировой войны, когда были сконструированы эскадренные миноносцы нового типа, их называли «Новик» [9]; очевидно, в начале 20 века *новик* было относительно понятным, хотя и устаревшим.

Таким образом, сохранение лексемы зависит от конкретной ситуации обозначаемого ею объ-

екта. В частности, из числа устаревших обозначений могут рекрутироваться экспрессивные обозначения, например, иронические или возвышенные (ср. *дева*, *кроха*, *ветвь*, *пуп*), если у носителей языка есть потребность обозначать объект экспрессивно.

Сохранившийся первый компонент пары сам по себе демонстрирует диминутивное происхождение второго компонента. Например, *пята* (в устойчивом выражении «под пятой»), *малец* (в просторечии), *хорь* (в профессиональном языке) демонстрируют, что *пятка*, *мальчик*, *хорек* – бывшие диминутивы. Если же в современном языке первого компонента уже нет, лексему с формальными признаками диминутива (*зяблик*, *младенец*, *новичок* и пр.) нужно исследовать с помощью специализированных словарей.

Таким образом, налицо два случая: 1) когда нейтральная форма совсем не утрачена (*ель* – *елка*, *чиж* – *чижик*) или не совсем утрачена (*пята* – *пятка*); и 2) когда нейтральная форма в современном русском языке уже полностью утрачена (*зябел* – *зяблик*).

Случай 1. Первый компонент совсем не утрачен (*ель* – *елка*, *чиж* – *чижик*) или не совсем утрачен (*пята* – *пятка*).

Сохранение первого компонента доказывает, что второй компонент – по происхождению диминутив, а явное вытеснение его из роли доминанты ряда доказывает то, что второй компонент уже бывший диминутив, уже безусловная новая доминанта синонимического ряда и его нужно включить в список бывших диминутивов.

Но сохранившийся первый компонент может быть и не вытеснен и употребляться практически на равных, как *ель* – *елка*, *чиж* – *чижик*, *дед* – *дедушка*. Для включения его в список нужно доказать, что второй компонент – действительно уже бывший диминутив, и пара является равноправной в отличие от значительно более многочисленных пар «существительное со своей диминутивной формой типа *масло* – *маслице*, *колбаса* – *колбаска*, *диван* – *диванчик*».

В качестве критериев равноправия нейтральной формы и диминутива принимаются следующие:

1. Обозначение их как равноправных в словарях современного русского языка. В словаре Ожегова [10] – либо перечисление в одной статье без пометы «ласк.»: «Дворняга, -и и Дворняжка, -и, ж. Беспородная дворовая собака», либо в одной статье отсылка к другой: «Чижик1, -а, м. То же, что чиж», без пометы «ласк.»; «Скамья. То же, что скамейка». Отсылка осуществляется к несколько более нейтральному обозначению, которым может оставаться

нейтральная форма (*чиж*), или уже стать бывшим диминутивом (*скамейка*). Всего в данном словаре 17 таких пар. Однако словарь Ожегова отразил языковую ситуацию 50-х годов, напр., *морковка* имеет значение только «отдельный корень»); лексема *дедушка* не имеет отдельной словарной статьи и сопровождается пометой «ласк.». То есть одних лишь словарей для идентификации экспрессивных диминутивов как бывших недостаточно.

2. Употребление в одинаковых контекстах. К примеру, в паре *ель – елка* сфера употребления диминутива *елка* за сто лет расширилась. В Корпусе произведений, созданных до 1900 года, *елка* появляется в контексте «новогодняя елка», иногда «небольшая» («7–8-годовалая елка»), и при этом *ель* также может быть «новогодней». Сейчас ситуация обратная: «новогодняя» – исключительно *елка*, но *елка* – не обязательно новогодняя или небольшая:

«Особенно больно бывает, когда узнаешь о случаях вырубки елок в парках...» [11, с. 33].

Если здесь заменить *елка* на *ель*, ничего не изменится.

В паре *морковь – морковка* второй компонент сейчас полноценно конкурирует, так как свободно употребляется в контекстах, подразумевающих собирательность:

«И я, не знаю как, по угластым выступаю, что ли... сердцем почуял: не морковка в мешке, не картошка, не свекла – книги!» (Дина Рубина. *Белая голубка Кордовы*. Примеры из основного Корпуса русского языка).

В паре *дед – дедушка* второй компонент сейчас употребляется в нейтральных контекстах, то есть экспрессия слова уже стерлась, несмотря на словарную помету:

«...в результате долгих поисков им действительно удалось обнаружить мадам Боше, которая не отрицает своего родства с моей мамой, поскольку у них был общий дедушка, оказавшийся во время второй мировой войны в числе интернированных лиц. (Андрей Геласимов. *Жанна*. Пример из основного Корпуса русского языка).

3. Сопоставимая частота употребления.

Для пары *ель – елка* в основном Корпусе русского языка почти одинаковое количество вхождений: 660 и 684. Сравним количество вхождений форм *ель* и *елка* в Корпусе произведений, созданных до 1900 года: 105 и 55, то есть *елка* – вдвое меньше (в обоих случаях были исключены значения *елка* – «праздник, мероприятие»). Налицо успешная конкуренция за последнее столетие.

То же для пары *чиж – чижик*: 70 и 71. (Исключены оба слова в значении игры, фамилии,

прозвища, названия песни, журнала и пр., вместе с ними для *чижик* в целом 780 вхождений, для *чиж* 509). Для пар *дед – дедушка*: 600 и 728, *редис – редиска*: 118 и 92, *печь – печка*: 83 и 63, *картофель – картошка*: 1098 и 1369.

В некоторых других парах число вхождений диминутива меньше, но картина меняется, если брать современные тексты. Так, для пары *еж – ежик* в Корпусе произведений, созданных с 1970 г., – 98 и 147 вхождений (с вычетом вхождений в значении «прическа», эвфемизмов типа «*еж твою мать*» и пр). Кроме того, поскольку первая сфера, в которой диминутив начинает успешно конкурировать с нейтральной формой – это устный язык (а последняя – язык науки, юриспруденции, канцелярский и пр.), то об успешной конкуренции свидетельствует уже сопоставимое число вхождений диминутива в устном подкорпусе (при условии аналогичных контекстов), даже если в основном Корпусе вхождений диминутива существенно меньше.

Случай 2. Первый компонент пары в современном русском языке уже исчез (*зябел – зяблик*, *новик – новичок*, *ищья – ищейка*, *былина* в значении «растение» и пр.). Бывшие диминутивы в таких парах с нулевым первым компонентом трудно отличить от слов, включающих часть корня, случайно совпавшую с суффиксами диминутивов, или суффиксы, омонимичные суффиксам диминутивов (ср. *речка* и *рубка*, *водица* и *красавица*, *ларец* и *глупец*). Для их идентификации необходимы специализированные словари. Так, с помощью «Этимологического словаря славянских языков» можно выяснить, что слова *лисица*, *курица* и *куница* (у двух первых в современном русском языке сохранились корреляты *лиса* и *кура*) являются частыми уменьшительно-ласкательными обозначениями еще на общеславянской стадии, т.о. суффикс *-иц-* здесь не является суффиксом, образующим слово женского рода со значением «самка», как *волч-иц-а* и пр. [5]. О происхождении слова *лакрица* в «Этимологическом словаре» Макса Фасмера говорится: «*Через нем. Lakritze от лат. liquoritia из греч. gluk'briza "сладкий корень"...*» [12]: то есть *-иц-* в нем является сегментом, омонимичным уменьшительно-ласкательному суффиксу *-иц-* (*водица*, *сестрица*), и слово не относится к диминутивам.

Как правило, утраченный ныне первый компонент пары содержится в этимологических словарях, словарях русского языка предыдущих периодов.

В «Этимологическом словаре» Шанского–Бобровой [13] в ряде случаев в статьях приводится прямое указание на их диминутивное происхождение: «*Былинка*. Общеславянское уменьши-

тельно-ласкательное от *былина*, суф. производного от *был* «стебель», «растение» (ср. *чернобыл*), польск. – тж. (от *быти* в значении «расти», см. *быть*)). Слово *былина* «трава» содержится в «Словаре русского языка XVIII века» [7].

Также этимологические словари нужны, чтобы отличить бывшие экспрессивные диминутивы от уменьшительных, типа *клетка* («маленькая клеть»), *спичка* («маленькая спица»), *палатка* («маленькая палата») и пр. Уменьшительные диминутивы часто используются для обозначений вещей, это делает бытовую коммуникацию эффективнее, позволяет собеседнику быстрее понять, о каком предмете идет речь – о *зеркальце* (маленькое, ручное, мобильное) или *зеркале* (большое, неподвижное), о детском *стульчике* или обычном *стуле* и пр. Если бывшие диминутивы, обозначающие вещи, были уменьшительными, а не экспрессивными, то их производящее слово должно было обозначать некогда «предмет нормального размера и функции», как, например, *клеть*, *спица*, *полотно* и пр., ср. *клетка*, *спичка*, *полотенце*. Связь компонентов такой пары может перестать быть прозрачной из-за изменения формы или значения первого компонента (ср. *коло* – *кольцо* > *колесо* – *кольцо*).

Если нет прямого указания, что слово образовано как уменьшительно-ласкательное, этот вывод позволяет сделать наличие производящего слова с тем же самым лексическим значением. Например, для слова *ищья* в «Словаре русского языка XVIII века» [7] приводится значение 1: «*Охот.... То же, что ишейка (1)*», в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [6] – значение 2: «*Ищейка. Дѣна собакам... за ищью, которая ходит за ястребомъ 2 рубли*». То есть утраченный первый компонент пары *ищья* – *ищейка* имел то же лексическое значение, и диминутив *ищейка* носил экспрессивный (не уменьшительный) характер. Утраченное производящее слово и диминутив могут приводиться в словарях в одной статье, через запятую, что подразумевает одинаковое лексическое значение. Если за диминутивом не стоит потребность обозначить другой объект – меньший или подобный, то остается только предположить потребность в выражении эмоционально-оценочного отношения к тому же самому объекту, то есть идентифицировать диминутив как экспрессивный.

Идентификация конкретного слова как экспрессивного диминутива во втором случае полностью зависит от полноты данных о его происхождении и не всегда возможна. Поэтому множество бывших экспрессивных диминутивов имеет открытые границы.

Таким образом, слово, подходящее по формальным признакам и занимающее в толковом

словаре отдельную статью без помет «ласкат.», идентифицируется как бывший экспрессивный диминутив, если оно нейтрально обозначает объект и при этом:

1) в современном русском языке сохранилось производящее слово – первый компонент пары с тем же лексическим значением, как *пятка* – *пята*, *девушка* – *дева* и пр.;

2) или утраченный первый компонент пары, с тем же лексическим значением, содержится в этимологических словарях, словарях предыдущих периодов русского языка, как *зяблик* – *зябел*, *ласточка* – *ласта*.

Подходящее по формальным признакам слово, не имеющее в толковом словаре отдельной словарной статьи, идентифицируется как бывший экспрессивный диминутив, если употребляется с сопоставимой частотой как минимум в устном подкорпусе Корпуса русского языка и в тех же контекстах.

Список бывших экспрессивных диминутивов

Согласно вышеописанным критериям 140 лексем современного русского языка идентифицированы как бывшие экспрессивные диминутивы, закрепившиеся в языке в качестве нейтральных обозначений в разные периоды, начиная с общеславянских *солнце* и *сердце* и кончая лексемами *дедушка* и *садик* (детский сад), ставшими нейтральными в современном русском языке в конце 20 столетия. Это существительные *бабочка*, *былинка*, *венок*, *внучка*, *дворняжка*, *зрачок*, *елка*, *птица*, *редиска*, *садик* (детский сад), *тропинка*, *улитка*, *чижик* и пр.

Кроме того, с употреблением диминутивов связано появление двух новых словообразовательных моделей.

Первая модель появилась в результате регулярного употребления диминутивов на **-ьк* < *-к/-ок*, образованных от слов на *-я/ен* > **en* > **ent* со стандартным значением «детеныш, ребенок» (как *теля* – *теленок*), а затем и слияния суффиксов *-я/ен* > **en* > **ent* с суффиксом **-ьк* < *-к/-ок*-. При этом в русском языке появился новый суффикс *-ёнок* и значением «детеныш» (как *теленок*, *кенгуренок*). Новая словообразовательная модель на *-ёнок* полностью вытеснила предыдущую, следовательно, в прошлом имел место этап постоянного употребления экспрессивных диминутивов *теленок*, *ягненок* и пр. вместо нейтральных обозначений *теля*, *ягня* и пр., которые затем утратили экспрессию и вытеснили нейтральные формы.

Вторая модель появилась в результате регулярного употребления диминутивов на **-ьк* <

-к/-ок, образованных от слов на -ина со стандартным значением «отдельная частица вещества» (как *горошина* – *горошинка*, *бисерина* – *бисеринка*), а затем и слияния суффиксов -ин «малая отдельная частица вещества» (как *росинка*) с суффиксом *-ьк < -к/-ок-. При этом в русском языке появился новый суффикс -инк со значением «малая отдельная частица вещества» (как *росинка*). Это говорит о наличии в прошлом этапа частого употребления синкретических уменьшительно-ласкательных диминутивов *кратинка*, *крупинка* наряду с *кратина*, *крупина*, зафиксированных в «Словаре русского языка XVIII века» [7].

Обе модели – следствие успешной конкуренции экспрессивных диминутивов, вышедшей на словообразовательный уровень.

Часть бывших диминутивов, как представляется, могла предпочитаться нейтральным формам не только вследствие потребности в экспрессивном обозначении объектов, но и благодаря дополнительным факторам:

1. Снятие многозначности. Первый компонент пары *цвет* – *цветок* означал и «*solog*», и «*flower*», второй означает только *flower*. (Ср., современное мн. ч. *цветы*, сохранившее недиминутивную форму; при этом во мн. ч. многозначность также преодолена, но иным способом: *цветы* «*flowers*» – *цвета* «*colours*»). То же самое относительно *бабочка* «мотылек», в то время как для *бабка* значение «мотылек» является лишь одним из многочисленных значений.

2. Грамматическое выравнивание, например, избавление от редкой грамматической категории, такой, как 3-е склонение и/или *singularia tantum*: *морковь* – *морковка*, *вервь* – *веревка*, *ветвь* – *ветка*.

3. Адаптация заимствования – как *сосиска* – из франц. *saucisse* «сосиска», *сайка* от *сая от фин. *saja «белый хлеб», *паинька* – *пай из ф.-у. «милый» [12], и/или сокращение длинного слова – *картошка*. Ср. современное разговорное *фотка*, которое позволяет легко образовывать формы падежей и чисел по сравнению с несклоняемым *фото*. «В русском языке при помощи уменьшительных наименований можно "избавиться" от малопродуктивных слов III склонения (ср. *мышь* – *мышка*), а также от некоторых существительных адъективного склонения (*мороженое* – *морожка*) и от несклоняемых (*такси* – *таксишка*)», [14].

Историческая прагматика бывших экспрессивных диминутивов

Бывшие экспрессивные диминутивы закрепляются в качестве обычных обозначений в те-

чение длительного времени (начиная с общеславянского периода, т.е. как минимум 1500–1300 лет). За это время картина мира носителей языка менялась. В частности, в прошлом, в том числе недавно, на отношение к природным объектам могли влиять мифы. К примеру, русское *бабочка* «мотылек» (бывший экспрессивный диминутив от *бабка*, далее от *баба* «мотылек») связано с забытым ныне верованием, что эти насекомые – души умерших предков женского пола, «бабы» (то есть «предки женского пола, бабушки» [13]. Ср. диалектное *душИчка* «бабочка» [12]. Это могло подкреплять эмоциональное отношение к объекту, выразившееся в двух последовательных заменах предыдущего обозначения диминутивом на -к (*бабка* и *бабочка*). Другой пример – в «Этимологическом словаре славянских языков» содержится версия о возможной «задабривающей уменьшительности» общеславянского диминутива *лисица* (скорее, «задабривающей ласкательности») [5].

Так справедливо ли экстраполировать сегодняшнее восприятие и употребление экспрессивных диминутивов на весь период их функционирования? Это сложный вопрос. Возможность адекватного восприятия современным человеком «исторической экспрессии», неуловимой прагматики экспрессивных единиц прошлого вообще дискуссионна. Даже каждое следующее поколение ощущает многие слова, особенно так или иначе окрашенные – экспрессивы, гипернейтрализмы, возвышенные, сниженные и пр. – немного иначе: то, что корбит старших, может казаться естественным младшим, и наоборот. О языковой интуиции разных поколений М.А. Кронгауз пишет: «Конечно, можно клеймить всех использующих слово *блин*, но очевидно, что они просто иначе воспринимают его... Иначе говоря, у нас у всех своя языковая интуиция» [15].

Кроме этого, диминутивы в разные периоды могут выражать различные оттенки экспрессии, характерные для той или иной эпохи. В новых разговорных диминутивах-сокращениях *печалька*, *обнимашки*, *печеньки* чувствуется ироническое бравирование детскостью. Если они закрепятся в языке, это будет метка именно данного неповторимого нюанса прагматики. В московскую эпоху, весьма обильную диминутивами, о чем свидетельствует «Словарь русского языка XI–XVII вв» [6], см. статьи *зипунишко*, *зипуненко*, *золоченка*, *избенцо*, *избишка*, *изумрудец*, *женника*, *кабалишка* и пр., экспрессия диминутивов была связана с интенцией самоуничижения, понижения ценности различного имущества, провоцирования жалости (в жало-

бах, просьбах, челобитных, различных переписях, любых обращениях к вышестоящим и пр.), экспликацией неравенства: «*кабаленко – уменьш.-уничж. к кабала. И то кабаленко у меня было взято в твою государеву казну в моем рухледышке. 1609*». Изначально уничтожительным был бывший экспрессивный диминутив *мужик* [12]. На содержание экспрессии, безусловно, влияют культурные факторы эпохи.

С другой стороны, в пользу наличия общей прагматики экспрессивных диминутивов свидетельствует «язык нянь» прошлого, зафиксированный в колыбельных и потешках, насыщенных ласкательными диминутивами. Это могут быть диминутивы с иными суффиксами, чем современные – *коток* вместо *котик*, *волосыньки* вместо *волосики*, но речевая ситуация «тешения», «забавления» маленького ребенка, роль диминутивов в ней понятна носителю современного русского языка. Ср. аналогичные современные высказывания в диалоге с ребенком: «*Где часики? Пора гулятьеньки, где у Машеньки комбинезончик красивый? Вон птичка полетела!*». Благодаря этой понятности потешки и колыбельные не являются исключительным достоянием науки, а используются так же, как и столетия назад.

Представляется, что при всей осторожности основной экспрессией экспрессивных диминутивов можно считать ласкательную, выражающую отношение в целом позитивное, ласковое и т. д. И именно о том, что вызывало и вызывает это отношение наиболее регулярно, отражаясь в языке, мы и можем узнать с помощью анализа семантики бывших экспрессивных диминутивов.

Семантика бывших экспрессивных диминутивов

Многие элементы списка семантически близки между собой – в частности, лексика с природной семантикой, обозначения людей (родственников, детей и пр.), лексика, обозначающая объекты малого размера и т. д. При этом у каждого конкретного бывшего экспрессивного диминутива своя «история успеха», например, можно предполагать связь успешной конкуренции в последние сто лет диминутива *елка*, единственного обозначения дерева среди природной лексики, с тем, что оно стало символом и антуражем любимого советского праздника; связь некоторых обозначений животных с мифами (*бабочка*, возможно, *лисица*, см. выше) и т. д. Однако налицо и эмоциональное отношение к некоторым «обобщенным объектам» («Птицы», «Дети» и пр.), не всегда совпадающим с разделами тезаурусных схем.

Лексика с природной семантикой

58 лексем обозначают объекты природы – птиц, зверей, растения, в т.ч. растения культурные, грибы, погодные явления и пр.: *бабочка, былинка, волнушка, зяблик, ежик, ищейка, ласточка, лепесток, метелица, мотылек, птица, ряпушка, сверчок, скворец, сыроежка, чирик и пр.* Также к природной относится семантика словообразовательной модели на *-ёнок*.

То есть среди бывших экспрессивных диминутивов обильна лексика, отражающая природный мир. Это неожиданный результат, так как обычно экспрессивная лексика обозначает и эмоционально оценивает человека, его внешность и поведение, и не имеет отношения к природной семантике. «Наибольшая концентрация экспрессивных лексических единиц присуща тем участкам экспрессивной подсистемы, которые связаны с характеристикой человека по морально-этическим, социально-коммуникативным, интеллектуальным, физическим и внешним признакам, а также поступков, поведения человека, очень большой пласт экспрессивной лексики имеет отношение к сфере «человек» [16].

Из этих 58 лексем 34 лексемы с природной семантикой обозначают животных: *бабочка, дворняжка, заяц, зяблик, ищейка, ласточка, хорек, чирик* и пр., плюс словообразовательная модель на *-ёнок*. Почти половина названий животных – названия птиц: *варакушка, зяблик, ласточка, пеночка*, родовые *птенец* и *птица* и пр.. Таким образом, в целом в списке бывших экспрессивных диминутивов доля названий птиц весьма значительна – более 10%!

С наличием в списке названия грибов *сыроежка* и *волнушка* (см. *сыроѡга* и *волнуха* в «Словаре русского языка XVIII века»), коррелирует любопытное переосмысление в течение 19–20 вв. исходно недиминутивных *масляник* – *масляники* и *опенок* – *опенки* (от *пень*) как диминутивов на *-ёнок* – *-ята* с изменением морфемного состава: *масленок* – *маслята* и *опенок* – *опята*. Это добавляет к семантике данных слов метафоричность – «грибы как детеныши», ср. диалектное *пунята* «маленькие маслята». Конкуренция форм исходных и переосмысленных, судя по словарям и текстам, сначала, в 19 веке, охватила слово *масле(я)ник* – *масле(я)ники*, затем, уже в последние десятилетия – *опенок*, *опенки*.

Экспрессивные диминутивы с природной семантикой вытесняли нейтральные формы на всем протяжении существования русского языка, начиная с общеславянского периода (*солнце, сойка, заяц*). В списке есть древнерусские и старорусские *лягушка, зяблик, куница, птица*. Еще в 18 веке употреблялись *ищейка, ластка, сыроега, былина, варакуша*. Уже в 20 веке *двор-*

няжка потеснило дворяга. В наше время на равных с нейтральными формами употребляются *елка, метелица, чижик*, а *мышка* и *ежик*, сохранившие некоторую экспрессию, употребляются чаще, чем *мышь* и *еж* в устной речи.

С одной стороны, это показатель устойчивости в картине мира носителей языка эмоционального (ласкательного) отношения к объектам природы, тем более, что и в наше время диминутивы здесь употребляются активно: *березки, воробушки, цветочки, грибочки, ягодки, травка, козочки* и пр., в том числе фактически – диминутивы второй ступени, напр. *зайчик, птичка, птенчик, щеночек, лисичка, уточка*. Эти объекты продолжают «провоцировать» употребление ласкательных обозначений, остаются эмоциогенными. В то же время немало объектов ласкательной экспрессии, судя по источникам, вполне обыденных в прошлом, полностью выпало из поля зрения обычного современного человека. Даже названия птиц *варакушка, кобчик, колтик*, грызуна *полчок* (вид сонь), и пр., в текстах 17–18 веков встречающиеся наряду с *варакуша, кобец, колть, полх*, с большой вероятностью неизвестны среднему носителю языка, а другие, как *ласточка* и *зяблик*, скорее всего, знакомы как языковые знаки, но не ассоциируются с конкретными птицами. Часть таких знакомых слов могут, правда, ассоциироваться с изображениями на иллюстрациях и в мультфильмах, как *ежик*. То есть объекты, еще недавно вызывавшие эмоциональное отношение, с изменением образа жизни перестали быть частью мира обычного человека, и концентрацию бывших экспрессивных диминутивов в этой сфере в какой-то степени можно сравнить с дошедшим до нас светом уже погасшей звезды.

Лексика с семантикой «человек»

32 лексемы с семантикой «человек» обозначают людей, названия частей тела, деталей и особенностей лица, человеческие свойства – *отец, бабушка, золовка, дедушка, дочка, мальчик, девочка, грудничок, младенец, внучка, девушка, новичок, мужик, старушка, дурачок, дуручка* «слабоумный, -ая», *замарашка, замухрышка, проходимец, паинька, сердце, селезенка, пятка, зрачок, веснушка, бородавка, пупок, палец, макушка, темечко, желудок, смекалка*.

В т. ч. 7 лексем обозначает людей «низших» по возрасту, статусу, уму, внешности – *новичок, мужик, старушка, дурачок, дуручка* «слабоумный, -ая», *замарашка, замухрышка, проходимец*; 6 лексем обозначают родственников –

отец, бабушка, золовка, внучка, дедушка, дочка. Названия родственников часто выступают в роли обращений, и на закрепление диминутивов в этой роли могла влиять как потребность в выражении ласкового отношения, так и необходимость задабривающей либо ритуальной ласкательности.

7 лексем обозначают детей, молодых людей, младших – *мальчик, девушка, девочка, младенец, грудничок, внучка, дочка*; ср. также поощрительное название послушного ребенка *паинька* (*пай из ф.-у. «милый»), сейчас ироническое.

10 лексем обозначают различные части человеческого тела: *сердце, селезенка, пятка, зрачок, веснушка, бородавка, пупок, палец, макушка, темечко, периферийное желудок*. Ср. современные диминутивы с той же семантикой: *ладошки, локоточек, прыщик и прыщичек* и пр., включая фактические диминутивы второй ступени – *сердечко, желудочек, пяточка, пупочек, пальчик, бородавочка* и пр., употребление которых в отношении взрослых часто связано с темой здоровья и может эксплицитно выражать отношение к больному как к ребенку, «врачебную эмпатию», в т.ч. направленную на себя. Часть этих лексем одновременно имеет семантику «Малое» (см. ниже) – *пупок, зрачок, бородавка, веснушка, макушка* «самая высокая точка затылка».

Наконец, сюда относится единственная в списке лексема с абстрактным значением – *смекалка*. В целом абстрактная семантика крайне нехарактерна для диминутивов, но данный случай – исключение, ср. диминутив второй ступени *смекалочка*, который с 2012–2013 гг. стал частью иронического интернет-мема «*русская смекалочка*», напр.,

«В Польше пограничники нашли женщину в чемодане гражданина Франции. Неповторимая русская смекалочка» [17].

Лексика с семантикой «детство»

Семантикой «детство», помимо обозначений детей и молодых людей (см. выше), обладают лексемы *щенок* и *птенец*, словообразовательная модель на *-ёнок* (по которой построена и доминанта семантического ряда «Ребенок»), а также *садик*, закрепившееся в роли неформального обозначения детского сада во 2-й половине 20 века.

Присутствие данной семантики закономерно. «Детство» – базовая семантическая сфера диминутивности как грамматической категории. В некоторых языках мира диминутивные аффиксы совпадают со словами со значением «ребенок». Именно в насыщенности диминутивами состоит специфика языкового регистра, на

котором разговаривают с детьми – «языка нянь». Синонимический ряд «ребенок» постоянно пополняется новой экспрессивной лексикой, в основном ласкательной – *малыш, малютка, малявка, детка, лялька, лялочка, детеныш, крошка, крохотулечка, малышок*, совсем новое и уже многократно осмеянное *годовасик* и пр.

Среди бывших экспрессивных диминутивов есть 2 новые лексемы, закрепившиеся во 2-й половине 20 в. – *садик* и *грудничок*, и в целом концентрация экспрессивных диминутивов в этой сфере – устойчивая актуальная тенденция.

Лексика с семантикой «еда»

Современное активное употребление диминутивов с семантикой «Еда» – пример лингвистического явления в поле зрения общества. Классикой осмеяния лексикона кулинарных форумов стала статья Натальи Белюшиной «Отчаянье и домохозяйки»:

«...два кита, на которых держится этот язык – уменьшительность и ласкательность...*тюрешки, мяско, яички, солька, масличко, шпротики, шампики (по-русски говоря, шампиньоны)*, – это норма кулинарной жизни. (...) *Бананчики с карри. Хрусть-хрусть. Фаршированный сельдерейчик. Перчик, фаршированный гречкой, овощами и мяском. Салатик с заливочкой из клубнички с имбирьчиком*» [18].

Но диминутивы с данной семантикой характерны для устной речи независимо от социального слоя. Пример из устного Корпуса русского языка:

«*Домашние разговоры // М.В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999, 2000–2003 – Я сейчас лучше обойду всех. Берите хлебушек. (...) Давайте салатик*».

В 19 веке аналогичные примеры встречаются в художественной литературе:

«–заметил Тит Никоныч, – лучшие всего легкий супец из крупы, котлетку, цыпленка и желе... вот настоящий обед...» (И.А. Гончаров. *Обрыв*, найдено по основному Корпусу русского языка).

Описываемое исследование показало устойчивость этой тенденции. Семантика «Еда» характерна для 20 бывших экспрессивных диминутивов, включая древнерусское *чечевица*⁶, (из *сочевица от *сочево, с ассимиляцией *со>че*, ср. укр. *сочевица*, серб.), еще в 18 в. бывшие компонентами живых пар *рябчик, ряпушка*, и продолжающие конкурировать *картошка, редиска, печенка* и пр. Таким образом, современные *яичко, редисочка, огурчик, селедочка, картошечка, курочка* – фактически диминутивы второй ступени, демонстрирующие устойчиво позитивное

отношение к определенным продуктам на протяжении длительного времени.

Лексика с семантикой «малое»

В той или иной степени объекты большинства бывших экспрессивных диминутивов – «малые» в сравнении с размерами человека: животные, в частности, птицы и тем более беспозвоночные (*бабочка, мотылек, сверчок, улитка*) предметы быта, еда. В конце концов, дети – тоже «малые объекты» по своим физическим размерам. *Лазейка* (ср. *лазья* в «Словаре русского языка XVIII века» с тем же значением – нечто небольшое по сравнению с «нормальным» проходом, дверью).

Но в массиве бывших экспрессивных диминутивов есть лексемы, обозначающие объекты из разных предметных областей, для которых малый размер – одно из определяющих свойств, будь то небольшое повреждение кожи – *бородавка, пупырышек, веснушка*; малая «деталь», часть, область человеческого тела, организма – *пупок, зрачок, макушка, темечко*; малое существо – *букашка, козявка*; малая частица вещества или множества – *крошка, щепка, семечко, крупинка, ячейка* и пр.

Это не уменьшительные обозначения, т.е., названия, отсылающие к меньшему предмету, как *стичка – стица, чашка – чаша* и пр., а ласкательные обозначения того, что является маленьким и уже в силу этого «миленьким», т.к. *пуп, веснуха, зрак, козява, щепка, кроха, крупина* и пр. обозначали те же объекты, что и нынешние *пупок, веснушка, зрачок, козявка* и пр. Вытеснение коррелятов диминутивами свидетельствует об уже не раз отмеченной глубокой связи, близости «маленького» и миленького» (кстати, само прилагательное *маленький* – бывший экспрессивный диминутив). Тем не менее часть их могла являться синкретическими уменьшительно-ласкательными диминутивами и обозначать меньшие предметы. Границы этой группы очертить по вышеуказанным причинам трудно, она является нечетким множеством объемом в 10–15 лексем.

На словообразовательном уровне результатом вытеснения рядом диминутивов с суффиксом *-к* обычных коррелятов на *-ин* явилось появление модели на *-инк-* (*дождинка*).

Лексика, относящаяся к быту, рукотворному окружающему миру

Среди разнородных объектов, относящихся к быту, можно выделить названия «подручных предметов», будь то оружие, орудие, инструмент, утварь: *клюшка* (в значении «посох»),

палка, удочка, прялка, палица, ножик, иголка и пр. – 14 лексем. 4 лексемы имеют общую семантику «украшение» – *венюк (венец), кичка, пряжка, пуговица* (первоначально шарообразное украшение, [6]). У остальных бывших экспрессивных диминутивов с данной семантикой, таких как *печка, свечка, подушка, табуретка*, история и факторы успешной конкуренции, по-видимому, сугубо индивидуальны.

Лексика со значением линейных объектов

Среди бывших экспрессивных диминутивов можно отметить несколько лексем, обозначающих линейные объекты, начиная с общеславянского *улица* – судя по присутствию во всех славянских языках, одного из самых ранних общеславянских диминутивов, закрепившихся как нейтральное обозначение. «Линейность» – специфическая черта таких объектов, бывших экспрессивных диминутивов, как *линейка* (в значении «черта на бумаге», ср. *линия* в этом значении «Словарь русского языка XVIII века»), *леска, веревка, стежка, тропинка, нитка*.

Прочее

Не относятся ни к одной группе бывшие экспрессивные диминутивы *новинка* (ср. *новина*, («Словарь русского языка XVIII века»)) и *частушка* («Исконное суффиксальное производное от *частуха...*», («Этимологический словарь русского языка»)). Просто отметим и их «точечные объекты» как заслужившие ласкательных замен.

Выводы

В результате исследования обнаружено 140 случаев успешной конкуренции диминутивов с нейтральными формами и составлен полный список бывших экспрессивных диминутивов.

Эта лексика классифицируется по нескольким семантическим областям. Большая часть списка обозначает элементы внешнего по отношению к человеку мира, в первую очередь природные объекты (напр., *бабочка, лягушка*). Особенно много названий птиц (напр., *ласточка, яблук*), что можно объяснить тем, что эта часть живой природы наиболее регулярно вызывала положительные эмоции. Даже родовое *птица* – по происхождению диминутив. Среди обозначений объектов не природного, рукотворного мира можно выделить названия орудий, инструмента, напр. *удочка, прялка*. В списке имеются лексем, обозначающие съедобные объекты (*яйцо, чечевица* и пр.), объекты малого размера, относящи-

еся к разным предметным областям (*крошка, веснушка* и пр.).

Ряд лексем обозначает человека: родственников (напр., *золовка, внучка*); детей и молодых (напр., *девушка, мальчик*); а также «социально низших/слабых» (в связи со старшим возрастом, статусом и пр., напр., *мужик, новичок*), части тела (*сердце, пятка* и пр.).

Выявлена тенденция активного использования экспрессивных диминутивов в одних и тех же семантических областях на протяжении длительного времени.

Примечания

1. Иск. суффиксальное производное от *пѣта*, ср. *птаха, птенец*, диал. и др. рус. *потка* из *пѣтка*, [13].
2. «Иск. суф. уменьшит.-ласкат.. производное от *ласта*, в диалектах и др. слав. яз. [13].
3. Общеславянское суффиксальное производное (суф. *-ыц-* > *-ц-*, ср. *оконце*) от *сърдь* «*сердце*», [13].
4. Поскольку в статье часто сопоставляются диминутивы и лексем, от которых они произведены, введем термин «нейтральная форма» для обозначения последних, таких как *масло* по отношению к *маслице*, *береза* по отношению к *березка* и пр.
5. См. «*Яблук*, исконное, от *ябел*, от *zenba* «*яблук*», до сих пор в нек. слав. яз.», [13].
6. Из **сочевица* от **сочево*, с ассимиляцией *со>че*, ср. укр. *сочевица*, серб. *сочиво* [13].

Список литературы

1. Лажечников И.И. Ледяной дом. Минск: Народная асвета, 1985. 320 с.
2. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2, М., 1958. 536 с. Т. 3, М., 1968. 552 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус.яз., 2001. 720 с.
4. Русская грамматика / АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1980. 789 с.
5. Этимологический словарь славянских языков, М.: Наука, 1974–2014. Вып. 1–39.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
7. Словарь русского языка XVIII века/ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2011. Вып. 7–19.
8. Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х томах. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ (т. 1); Гос. изд-во иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.
9. Чернышов А.А. «Новики». Лучшие эсминцы Российского Императорского флота». М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2007. 224 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
11. Бобров Р.В. Беседы о лесе. М.: Молодая гвардия, 1979. 240 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.; Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

13. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка, М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
14. Воейкова М.Д. Системно-грамматические функции диминутивов в усвоении русского языка ребенком, Детская речь как предмет лингвистического исследования – Child language as the object of linguistic researches: Материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 31 мая – 2 июня 2004 г.) / [редкол.: С.Н. Цейтлин (отв. ред.) и др.]. СПб., 2004. С. 37–39.
15. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
16. Молько В.Г., Моисеев Д.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления //Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века: Тезисы II Междунар. науч.-практ. конф., 2013.
17. <http://myslo.ru/club/blog/utro/Pah62OZKqE2wB9E4riE-Zw> (дата обращения: 10.10.2015).
18. Сноб [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://snob.ru/profile/26524/blog/78699> (дата обращения: 10.10.2015).

EXPANSION OF EXPRESSIVE DIMINUTIVES IN RUSSIAN

I.V. Fufaeva

In this paper, we present the results of our study of gradual substitution of some Russian nouns like *внука* («a granddaughter»), *зябел* («a finch») by diminutives like *внучка*, *зяблик* in different periods. We give a full list of the words which were previously used as expressive diminutives and which have become neutral in today's Russian language and analyze such words. The research shows that this part of vocabulary most often refers to nature, especially to birds, e.g. *ласточка* («a swallow»), *зяблик* («a finch»), *птица* («a bird») etc. There are also words of this type referring to foods, small objects, relatives, young people, parts of the body, etc. We have identified a long time trend of intensive use of expressive diminutives in the same semantic fields.

Keywords: diminutives, expression, hypocoristic, semantics of diminutives, expressive diminutives, names of birds, names of animals.

References

1. Lazhechnikov I.I. Ledyanoj dom. Minsk: Narodnaya asveta, 1985. 320 s.
2. Potebnaya A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 1–2, М., 1958, 536 s. Т. 3. М., 1968. 552 s.
3. Vinogradov V.V. Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / Pod red. G.A. Zolotovoj. 4-e izd. М.: Rus.yaz., 2001. 720 s.
4. Russkaya grammatika / AN SSSR, In-t russkogo yazyka. I». М.: Nauka, 1980. 789 s.
5. Ehtimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. М.: Nauka, 1974–2014. Vyp. 1–39.
6. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. М.: Nauka, 1975–2008. Vyp. 1–28.
7. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka/ AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red.: Yu.S. Sorokin. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1984–1991. Vyp. 1–6; SPb.: Nauka. S.-Peterb. otd-nie, 1992–2011. Vyp. 7–19.
8. Tolkovyj slovar' pod red. D.N. Ushakova v 4-h tomah. М.: Sovetskaya ehnciklopediya; OGIZ (t. 1); Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej (t. 2–4), 1935–1940.
9. Chernyshov A.A. «Noviki». Luchshie ehsmincy Rossijskogo Imperatorskogo flota. М.: Kollekcija, Yauza, EHKSMO, 2007. 224 s.
10. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. М.: Rus. yaz., 1985. 797 s.
11. Bobrov R.V. Besedy o lese. М.: Molodaya gvardiya, 1979. 240 s.
12. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.; Per. s nem. 2-e izd., stereotip., М.: Progress, 1986. 576 s.
13. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. М.: Prozerpina, 1994. 400 s.
14. Voejkova M.D., Sistemno-grammaticheskie funkcii diminutivov v usvoenii russkogo yazyka rebenkom, Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya – Child language as the object of linguistic researches: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 31 maya – 2 iyunya 2004 g.) / [redkol.: S.N. Cejtlin (otv. red.) i dr.]. SPb., 2004. S. 37–39.
15. Krongauz M.A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. М.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008, 232 s.
16. Mol'ko V.G., Moiseev D.A. Ehkspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya //Aktual'nye problemy nauki, ehkonomiki i obrazovaniya XXI veka: Tezisy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 2013.
17. <http://myslo.ru/club/blog/utro/Pah62OZKqE2wB9E4riE-Zw> (data obrashcheniya: 10.10.2015).
18. Сноб [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://snob.ru/profile/26524/blog/78699> (data obrashcheniya: 10.10.2015).